

Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-Азиатского региона (1990–2024 гг.)

Денис Алексеевич БОРИСОВ

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, denisborisov@mail.ru

Лидия Анатольевна КАРМАНОВА

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия, karm.lida@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен обзор развития внешнеполитических стратегий Китая в отношении стран Центральной Азии. Автор фокусируется на изменениях и трансформациях, произошедших в течение трех последних десятилетий. Основное внимание уделяется выявлению различных аспектов эволюции и постепенного укрепления политики КНР в отношении стран Центральной Азии. Выделены и рассмотрены четыре ключевых этапа развития и трансформации внешней политики Китая в отношении региона за последние 30 лет. Рассматривается развитие внешнеполитических устремлений КНР, связанных с развитием инфраструктурных проектов, укреплением экономических связей, а также активизацией сотрудничества с ЦА в сфере поддержания региональной безопасности. Утверждается, что с 2022 г. в условиях растущей международной напряженности Китай и страны Центральной Азии вступают в новую фазу развития межгосударственных взаимоотношений. Отмечено, что четвертый этап характеризуется не только укреплением традиционных сфер сотрудничества, но и появлением новых вызовов и возможностей, которые определяют будущую динамику в отношениях между КНР и центрально-азиатским регионом.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, внешняя политика, экономическое сотрудничество, этапы, безопасность, нестабильность, инфраструктура, энергетические ресурсы, инициатива "Один пояс, один путь"

Для цитирования: Борисов Д.А., Карманова Л.А. Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-Азиатского региона (1990–2024 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 97–108. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024)

Denis A. BORISOV

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, denisborisov@mail.ru

Lidiya A. KARMANOVA

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, karm.lida@yandex.ru

Abstract. This article provides an overview of China's foreign policy strategies towards Central Asian countries, focusing on changes and transformations that have occurred over the past three decades. The author emphasizes the identification of various aspects of the evolution and gradual strengthening of China's policy towards Central Asian countries. Four key stages of development and transformation in China's foreign policy towards the region over the last 30 years are identified and examined. The article explores the development of China's foreign policy aspirations related to infrastructure projects, the reinforcement of economic ties, and the intensification of cooperation with Central Asia in maintaining regional security. It is argued that, starting from 2022, amidst growing international tensions, China and Central Asian countries are entering a new phase in the development of their political and trade-economic relations. It is noted that the fourth stage is characterized not only by the consolidation of traditional areas of cooperation but also by the emergence of new challenges and opportunities that shape the future dynamics of relations between China and the Central Asian region.

Keywords: China, Central Asia, foreign policy, economic cooperation, stages, security, instability, infrastructure, energy resources, Belt and Road Initiative

For citation: Borisov D.A., Karmanova L.A. Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024) // Oriental Institute Journal. 2024. № 2. P. 97–108. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-2/97-108>

Введение

С началом XXI в. КНР становится ключевым и определяющим игроком в развитии стран региона Центральной Азии (ЦА), в чьих региональных процессах наблюдается усиление динамики отношений с восточным соседом. Возрастающий политико-экономический вес Китая вынуждает страны ЦА непременно учитывать китайский фактор при формировании стратегий внутренней и внешней политики. Об этом свидетельствуют некоторые документы внешнеполитического планирования центральноазиатских стран. Например, в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 гг. отмечается, что развитие всестороннего стратегического партнерства с КНР является приоритетом региональной и многосторонней дипломатии [10]. Таджикистан в своей Концепции внешней политики рассматривает взаимовыгодное сотрудничество с КНР как одну из важнейших задач политики на азиатском направлении [6].

Такие вопросы, как региональная безопасность, транспортная инфраструктура, модернизация экономики, энергетические вопросы и иные аспекты, требуют от центральноазиатских стран тесного взаимодействия с Китаем для достижения устойчивого и сбалансированного развития в ЦА. На протяжении более трех десятилетий КНР усиливает своё влияние, расширяет спектр межгосударственного взаимодействия, укрепляя позиции важного партнера в формировании политического и экономического ландшафта в этом регионе.

Более чем тридцатилетний период развития и трансформации внешней политики КНР в отношении ЦА можно разделить на четыре соответствующих этапа. Первым является этап 1990-х гг., который можно назвать "осмотрительность в установлении связей". В данный этап китайская внешняя политика была направлена на то, чтобы осмыслить новые реалии постсоветского будущего региона и осторожно выстроить дипломатические отношения для обеспечения стабильности и безопасности новой архитектуры межгосударственных отношений в регионе. Второй этап, следует обозначить как "участие через многосторонние институциональные механизмы", начинается в 2000-е гг. с началом становления в ЦА таких институциональных форматов, как ШОС, ставшей основным механизмом китайского участия в региональной повестке дня. Третий этап, который можно озаглавить "продвижение через инициативу "Один пояс, один путь"", начинается с выдвижения инициативы "Один пояс, один путь" и активного вовлечения ЦА в стратегические экономические и инвестиционные инициативы КНР. Наконец, четвертый этап, который именуется как "укрепление глобальных позиций в условиях нестабильности", начинается с 2020 г. и обусловлен сформированным Китаем форматом C5+1, когда на фоне растущей международной напряженности Китай стремится к пересмотру и укреплению своих позиций в регионе не только в экономической, но и в политической сфере.

Этап 1990-х годов: осмотрительность в установлении связей

Основной целью внешней политики Китая в начале 1990-х гг. стало формирование наиболее благоприятной международной обстановки и установление "пояса стабильности" вдоль всей китайской границы с целью обеспечения успешной реализации социально-экономических реформ. В течение длительного времени Китай рассматривал Центральную Азию главным образом в контексте общего комплекса отношений между Китаем и СССР. Традиционно Китай видел Центральную Азию как зону жизненно важных интересов России, на гегемонию которой он не претендовал [11, с. 76]. Однако развал СССР и образование нескольких независимых государств в Центрально-Азиатском регионе вынудило Китай пересмотреть свой подход к внешнеполитической стратегии в этом регионе.

Пекин стремился максимально избегать внутренних проблем Центральной Азии и фокусироваться на решении общих задач развития отношений между Китаем и странами региона. В основном это касалось установления дипломатических связей, совместного с Россией урегулирования вопросов безопасности и разработки согласованных подходов к проблемам регионального сепаратизма. В этой связи Китай стал одним из первых государств, официально признавших не-

зависимость стран региона, и в первую неделю января 1992 г. установил с ними дипломатические отношения.

По приглашению китайской стороны с февраля 1992 г. по октябрь 1993 г. главы пяти государств ЦА посетили Китай в рамках официальных визитов и подписали декларации о сотрудничестве, свидетельствующие о высоком уровне взаимопонимания. Пик дипломатической активности пришелся на весну 1994 г., когда премьер-министр КНР Ли Пэн провел турне по странам Центральной Азии. В течение 1992–1994 гг. Китай в целом заключил более 90 двусторонних межправительственных соглашений со странами Центральной Азии.

Несмотря на дипломатические успехи в отношениях со странами региона, в этот период правительство КНР по-прежнему склонно было рассматривать отношения с Россией и странами Центральной Азии как единое целое. В дополнение к развитию двусторонних связей, важным этапом в установлении непосредственно институционального сотрудничества между КНР и странами Центральной Азии стало формирование в 1992 г. рабочей группы в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Китая, известной как формат модели "4+1" [27, с. 36]. Группа фокусировалась на решении традиционных вопросов безопасности по поводу прохождения границ. В последствии такой многосторонний межгосударственный формат в 1996 г. был перезапущен в виде "Шанхайской пятерки", но по более широкой повестке безопасности. Инициированный Китаем переговорный процесс в рамках рабочей группы фокусировался на наиболее значимых для него аспектах безопасности, связанных с высоким уровнем военного присутствия в районах приграничья и усилением проявлений уйгурского сепаратизма. Катализаторами обеспокоенности Пекина стали массовые протесты уйгуров и киргизов против центрального правительства Китая в Барине 1990 г.

Первые документы, которые заложили фундамент для сотрудничества между пятью государствами в области безопасности, включают в себя Соглашение об укреплении военного доверия в районе границы, подписанное 26 апреля 1996 г. в г. Шанхай (установило обязательства по предотвращению военных действий и поддержке стабильности в районе границы, ограничения на использование вооруженных сил, проведение военных учений) [13], и Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, подписанное 24 апреля 1997 г. в г. Москва (подтвердило стремление сократить вооруженные силы в районе границы на основе взаимной безопасности) [14].

В целях обеспечения региональной безопасности Китай стал более предметно налаживать сотрудничество со странами ЦА. К концу 1999 г. были налажены связи между спецслужбами и правоохранительными органами Китая и стран ЦА, после чего Китай стал постепенно оказывать региональным державам помощь военно-технического характера [24, с. 67].

Урегулирование спорных пограничных вопросов и совместное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, национальным сепаратизмом и наркотической контрабандой с целью обеспечения безопасности региона также стало основой для работы формата "Шанхайской пятерки" [22]. Тем самым за достаточно короткий срок КНР стал активным участником формирующейся системы центральноазиатской безопасности.

Кроме вопросов безопасности, Китай также проявлял интерес к экономическим аспектам сотрудничества. К концу 1990-х гг. было подтверждено наличие значительных запасов нефти и газа в регионе, что сделало его важным источником энергоресурсов для удовлетворения растущих потребностей китайской экономики [7, с. 148]. Возникла необходимость четко определить долгосрочный энергетический интерес Китая к ЦА и сопутствующим территориям. Центральная Азия стала объектом увеличивающегося внимания также в рамках программы ускоренного развития центральных и западных провинций Китая [15, с. 149].

Так, к 1992 г. общий объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии составил 460 млн. долл [25, с. 113]. Этот показатель имеет научное и практическое значение, поскольку демонстрирует начальный этап развития

экономических связей на постсоветском пространстве. Особое внимание в этом аспекте заслуживает тот факт, что значительная часть этой суммы приходилась на торговлю с Казахстаном. Это подчеркивает геополитическую и экономическую значимость Казахстана в рамках данного регионального блока. Китай активно начал экспортировать широкий спектр потребительских товаров в страны Центральной Азии, что привело к насыщению потребительских рынков региона. Расширяя торговые связи с государствами Центральной Азии, КНР выражал свой интерес к энергетическим ресурсам, в частности, казахстанским. В период 1996–1997 гг. был реализован китайско-казахстанский проект по добыче нефти на западе Казахстана, а также подписан ряд соглашений о строительстве нефтепроводов и нефтеперерабатывающих предприятий.

Первый период внешней политики КНР в регионе можно охарактеризовать следующими акцентами: не проявляя своих общерегиональных политических амбиций, акцент на обеспечение традиционной безопасности и купирование локальных угроз новой безопасности в контексте узких национальных интересов вокруг "уйгурского вопроса" при локальном продвижении своих экономических интересов в энергетической сфере.

Этап 2001–2012 гг.:

участие через многосторонние институциональные механизмы

В 2001 г. конференционный формат "Шанхайской пятёрки" получил институциональное развитие – создание Шанхайской организации сотрудничества знаменовало начало нового этапа китайской политики в ЦА [4, с. 77]. ШОС стала ключевым инструментом для осуществления китайской общерегиональной стратегии в регионе, играя важную роль в процессе формирования сотрудничества в различных областях. Китай выступил не только в качестве одного из инициаторов совместно с Россией, но и ведущей силой в создании этой многопрофильной структуры [3, с. 24]. Важно, что предложенный многосторонний формат позволил всем странам-участницам ШОС деликатно подойти к решению вопросов безопасности, где проблемы религиозного экстремизма и сепаратизма с использованием террористических методов, исходящие от религиозных организаций, решались коллективно. Более того, инициативы РФ по обеспечению безопасности в деятельности ШОС, позволяя китайской стороне работать в направлении борьбы с "уйгурской проблемой" на территории всей Центральной Азии, оставаясь в тени РФ.

При этом КНР действовали более инициативно по экономическому вектору ШОС, что проявилось в рамках Делового совета и Межбанковского объединения, где были предприняты попытки наладить координацию усилий финансовых и предпринимательских кругов для последующего систематического внедрения проектов в различных отраслях экономики [2, с. 47]. ШОС способствовала Китаю стать активным участником региональных процессов обеспечения безопасности и экономического развития Центральной Азии, обеспечив проницаемость национальных и региональных интересов стран региона для осуществления китайской внешней политики.

Дополнительно в этот период начал проявлять себя геополитический фактор, активизируется деятельность США в регионе. К началу 2000-х гг. Центральная Азия и Каспийский регион были определены как зона жизненно важных интересов США, что было отражено в концепции, известной как "доктрина Тэлботта". США заявляли, что не стремятся устанавливать монопольное стратегическое влияние в Центральной Азии, но подчеркнули свое нежелание терпеть подобное воздействие со стороны других великих держав. После терактов 11 сентября 2001 г. новая линия США в отношении Центральной Азии стала составной частью их стратегии национальной безопасности, и регион оказался стратегически важным в качестве составной части единого фронта в борьбе против международного терроризма и объектом стратегии обеспечения энергетической безопасности [21, с. 583].

В рассматриваемый период Китай начал динамично усиливать свое экономическое присутствие в регионе, что проявилось в заметном увеличении объемов

торговли и финансовых вложений. С 2001 по 2012 гг. товарооборот между КНР и странами Центральной Азии увеличился примерно в 25 раз. В 2000 г. общий товарооборот составлял 1,817 млрд долл., а к 2012 г. этот показатель вырос до 45,94 млрд долл. [26, с. 65]. Пекин активно стремился обеспечить гарантированный доступ к сырьевым ресурсам, прежде всего к нефтегазовым, в регионе ЦА. Благодаря стремительному экономическому росту, Китай мог мобилизовать значительные финансовые ресурсы для реализации проектов и поддержки стабильности социально-политических систем в регионе.

Примечательным моментом стало подписание в 2006 г. договора между Китаем и Туркменистаном о строительстве газопровода "Средняя Азия – Китай". Проект, финансируемый в основном со стороны Китая путем предоставления кредитов Туркменистану, обеспечил разработку месторождения Южный Иолотань-Осман, строительство газопровода и долгосрочные поставки газа в Китай на протяжении следующих 30 лет [16, с. 38]. В 2010 г. Китай расширил свои энергетические связи, заключив соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о соединении газопровода "Средняя Азия – Китай" с их энергетическими системами, что обеспечило транспортировку природного газа в обе стороны, укрепив стратегическую позицию Китая в регионе. Также в 2007 г. Китай укрепил сотрудничество с Казахстаном в сфере производства ядерного топлива для китайских АЭС, обеспечивая Казахстан статус основного поставщика ядерного топлива для КНР. С Киргизской Республикой было развито сотрудничество в разработке нефтегазовых месторождений в южной части страны, а также Китаю было предоставлено право участвовать в разработке киргизских месторождений (Май-луу-Суу, Восточный Избаскент, Чангыр-Таш и Чыырчик) [5, с. 93].

Наконец, мы видим, что на втором этапе начинает активироваться гуманитарный вектор межгосударственного сотрудничества между КНР и странами ЦА. С 2004 г. в регионе стали открываться Институты Конфуция, оперирующие на базе образовательных центров в ЦА, применяя модель софинансирования. Основной упор в процессе деятельности данных институтов делается на изучение традиционной китайской культуры и языка, укрепляя гуманитарный вектор сотрудничества. Согласно замыслу китайского руководства, зарубежные общества должны фокусироваться на изучении именно традиционной китайской культуры в контексте социалистических ценностей, ориентированных на специфику китайского социализма [8, с. 273]. К 2012 г. в четырех странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан) насчитывалось восемь Институтов Конфуция.

Таким образом, в рассматриваемый период Китай провёл институционализацию региональной политики. Приоритетом внешнеполитических устремлений в области безопасности стало построение региональной системы безопасности в тандеме с РФ через коллективные стратегии противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму. В экономической сфере продолжилось усиление китайской стороны в энергетической сфере региона через развитие внешней торговли, инвестиций и крупных трубопроводов. Активное проникновение китайского бизнеса в регион началось сопровождаться расширением гуманитарного сотрудничества.

Этап 2013 г. – 2020-е гг.: продвижение через инициативу "Один пояс, один путь"

Новый этап развития внешнеполитических устремлений КНР в ЦА начался с выдвижения глобальной инициативы "Один пояс, один путь" (ПиП), которая стала фундаментальным элементом внешней и внешнеэкономической политики Китая как мирового лидера. В нашем контексте, ПиП на качественном уровне демонстрирует трансформацию внешнеполитического подхода КНР к Центральной Азии: регион стал рассматриваться как элемент китайской международной стратегии. С одной стороны, страны Центральной Азии представляют значительный интерес для Китая в силу своего богатства природными ресурсами. Китайская экономика стремится обеспечить беспрепятственный доступ к этим ресурсам, которые явля-

ются критически важными для ее собственных потребностей. С другой – стремление Китая к расширению рынков за пределами своих границ подталкивает его активно участвовать в инфраструктурных проектах и развитии региональных экономических связей [17].

Более того, позиционирование Китая как глобального лидера через межгосударственные взаимодействия в Центральной Азии, можно проследить на примере сотрудничества в зеленой энергетике. С 2013 г., когда была объявлена инициатива "Один пояс и один путь", Китай начал активно сотрудничать со странами Центральной Азии в области зеленой энергетике. За последние годы КНР заключила со странами ЦА соглашения на реализацию нескольких крупных проектов в сфере ВИЭ (ветряная электростанция Жанатас и солнечная ферма в Жангизтобе в Казахстане; солнечные электростанции в Бухарской и Кашкадарьинской областях Узбекистана). Активизация Китая в области сотрудничества в области ВИЭ обоснована не только экономическими и экологическими соображениями, но это элемент позиционирования КНР как глобального игрока, который продвигает повестку ООН в области Целей устойчивого развития. Таким образом, Китай способствует реализации международной "зеленой" повестки в регионе.

По количественным изменениям третий этап отличается резким увеличением инвестиционной активности китайской стороны. Мониторинг китайских инвестиций в мире показывает, что общий объем китайских инвестиций и контрактов в рамках инициативы за период с 2013 по 2020 гг. составил около 755,17 млрд долл. Согласно данным Министерства коммерции КНР, в 2022 г. накопленный объем прямых китайских инвестиций в пять стран ЦА достиг 40 млрд долл., тогда как в 2013 г. китайские ПИИ составляли 8,9 млрд долл [19].

Важной особенностью третьего этапа можно считать появление полноценного военно-технического сотрудничества. Страны Центральной Азии остаются важными для Китая с точки зрения обеспечения безопасности и развития военного сотрудничества. Если в начале XXI в. Китай не имел своего военного присутствия в данном регионе, предпочитая защищать свои интересы через инструменты ШОС и полагаясь на военное присутствие России, то с течением времени ситуация стала меняться. Китай активно поставляет военное оборудование в регион, предоставляет обучение в области военных технологий и оказывает помощь в сфере военной подготовки в странах Центральной Азии [18, с. 295]. В 2016 г. Китай поставил Казахстану два беспилотника Wing Loong-1. В 2018 г. Казахстан стал первой страной ЦА, которой был поставлен самолет Y-8F200WA от китайской компании "AVIC Xi'an Aircraft Industry". Осознавая слабость вооруженных сил Киргизии, в последнее время КНР увеличивает поставки военной помощи в страну, например, в 2021 г. Китай передал Киргизии пакет военно-технической помощи на безвозмездной основе. Примечательным является и пример Таджикистана, где правительство достигло соглашения с Китаем о строительстве пограничных застав и учебных центров вдоль таджикско-афганской границы в 2016 г. [20]. Для Туркменистана Китай является основным поставщиком оружия, доля которого составляет около 27% от всего китайского военного импорта. Подобные действия подчеркивают стремление Китая укреплять своё присутствие в регионе не только традиционными экономическими инициативами, но и укреплять своё влияние в области региональной безопасности. Таким образом, в данном периоде наблюдается начало развития военной сферы на локальном уровне.

Наконец, на третьем этапе продолжает развиваться гуманитарное направление межгосударственного сотрудничества между КНР и странами ЦА. К 2017 г. всего было открыто тринадцать Институтов Конфуция в четырех странах Центральной Азии. В Казахстане функционируют 5 институтов Конфуция (Астана – 1; Алмата – 2, Карагада – 1, Актобе – 1). В Кыргызстане действуют 4 института (Бишкек – 2; Ош – 1 и Джалал-Абад – 1). И по два – в Таджикистане и Узбекистане. В Туркменистане Институты Конфуция отсутствуют.

Таким образом, реализация инициативы "Один пояс, один путь" во внешней политике КНР привело к качественным изменениям в китайско-центральноазиат-

ских отношениях. С 2013 г. Китай начинает выстраивать инклюзивные отношений со странами региона по широкому спектру межгосударственного взаимодействия, которые вписываются в глобальную стратегию КНР как лидера современных международных отношений.

Этап с 2020 г. по настоящее время: укрепление глобальных позиций в условиях нестабильности

С 2020 г. началась работа по формированию самостоятельного китайского диалога региональной дипломатии между КНР и странами ЦА, что косвенно фиксировалось в экспертном дискурсе на страницах "Желтой книги по Центральной Азии" [28]. В документе подчеркивалась озабоченность КНР вопросами новой безопасности в регионе, но большие вызовы для Китая экспертное сообщество усматривало в начале "игры крупных держав" с учетом сохранения за США статуса значимой силы в Центральной Азии. В этом контексте Китай начал планировать институциональное развитие своих инклюзивных отношений со странами региона через популярный в региональной дипломатии формат "С5+1". Этот процесс сопровождался постепенной трансформацией роли ШОС в центральноазиатской подсистеме международных отношений: из организации по гармонизации межгосударственных отношений России, Китая и пяти стран ЦА после присоединения Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси (в 2024 г.) шанхайский процесс начал смещать акценты на евразийскую (макрорегиональную) проблематику. В такой диспозиции начал развиваться разрыв в процессе формирования общей повестки китаецко-центральноазиатских отношений.

Пандемия отсрочила первый очный саммит лидеров Китая и пяти стран Центральной Азии. Встреча "Китай + страны ЦА" в мае 2023 г. стала знаковым событием, оформившим становление нового этапа китайской внешней политики в Центрально-Азиатском регионе: региональный многосторонний формат, но без участия РФ. По словам лидера КНР Си Цзиньпина, "наш саммит создал новую платформу и открыл новые перспективы сотрудничества Китая и Центральной Азии, и Китай воспользуется этим как возможностью активизировать координацию со всеми сторонами для хорошего планирования, развития и прогресса сотрудничества между Китаем и Центральной Азией" [12].

На этом этапе можно выделить два трека китайской дипломатии в Центральной Азии. Первый – это продолжение инициативы "ПиП" на основе широкой повестки торгового, инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества. Этот вектор получает конференционную институционализацию в рамках регулярных Форумов международного сотрудничества "Один пояс и один путь". Например, в октябре 2023 г. состоялся 3-й Форум, результаты которого наглядно демонстрирует дипломатическую практику этого трека. Казахстан подписал около 30 инвестиционных и торговых соглашений общей стоимостью 16,54 млрд долл. Один из важных документов – соглашение об увеличении пропускной способности Транскаспийского международного транспортного маршрута в пять раз до 500 тысяч контейнеров в год. Президент К.-Ж. Токаев провел ряд переговоров с представителями китайского бизнеса, включая руководство китайской компании "SINOPEC", где обсуждался совместный проект на сумму 7,7 млрд долл. по производству полиэтилена. В области инфраструктурного сотрудничества между странами было подписано соглашение на сумму 1,3 млрд долл. между АО "Қазақстан темір жолы" и "CRRC Corporation Limited", которое предусматривает приобретение 200 маневровых и магистральных тепловозов, а также создание инжиниринговых и сервисных центров по обслуживанию железнодорожной техники в Казахстане [1]. Другие центральноазиатские делегации также заключили соглашения с китайскими партнерами по различным проектам в первичном и вторичном отраслях экономики.

Второй трек китайской дипломатии – это развитие отношений в политической и идеологической сферах межгосударственного взаимодействия, который институционализируется в дипломатическом формате "Китай – Центральная Азия". На майской встрече был подсвечен ценностный акцент китайской дипломатии в регионе на базе диалога между цивилизациями. Политическое руководство КНР на

примере взаимодействия со странами Центральной Азии популяризирует цивилизационное видение ценностей нового мировоззрения в глобальной политике, которое базируется на принципах разумной достаточности и сбалансированности действий великих мировых держав [30]. Декларируется стремление к обеспечению национальных интересов с учётом интересов других государств. В качестве подтверждения таких ценностных установок на практике Китай на встрече "Китай + ЦА" впервые анонсировал предоставление масштабной финансовой помощи на сумму 3,8 млрд долл. странам региона для борьбы с бедностью.

Помимо аксиологии политический трек китайско-центральноазиатских отношений начинает консолидировать проблематику безопасности в контексте китайской "Инициативы глобальной безопасности" [23]. На встрече "Китай + ЦА" обсуждались вопросы укрепления правоохранительных и оборонных возможностей региона, а также Си Цзиньпин в своем обращении к руководителям стран Центральной Азии остановился на вопросах внутренней безопасности и противодействия событиям, аналогичным "цветным революциям". Озвучены планы проведения совместных военных учений [12]. Заметны усилия китайской стороны по расширению повестки сотрудничества в сфере безопасности за счет актуализации вопросов кибербезопасности и совместного противодействия угроз в цифровой среде. Данное направление находит свое отражение в Белой книге КНР 2023 г. и вписывается отдельным нарративом в центральноазиатский дипломатический пакет предложения для стран региона от Китая [29].

Таким образом, главной особенностью этого этапа стал формат "С5+1", который дал КНР возможность играть самостоятельную глобальную роль в вопросах безопасности и экономики в Центральной Азии. Четвертый этап характеризуется политизацией центральноазиатского вектора внешней политики КНР в проекции на открытую и комплексную конфронтацию с США [9, с. 90]. Помимо интенсификации помощи в целях развития государствам ЦА, включая содействие сотрудничеству в области сокращения бедности, продовольственной безопасности, Китай делает акценты на идеях межкультурного взаимодействия. К традиционным направлениям сотрудничества добавились инициативы совместного обеспечения кибербезопасности и сотрудничества в цифровой сфере. По мере евразийской деятельности ШОС китайская сторона делает ставку на развитие инклюзивных межгосударственных отношений со странами Центральной Азии на основе двух институциональных практик – Форум "ПиП" и "С5+Китай".

Заключение

С 1990 гг. и до настоящего времени внешняя политика Китая в Центральной Азии претерпела значительную эволюцию, отражая реакцию на важные стратегические сдвиги и глобальные изменения в мировой политике.

Первый этап можно обозначить как "осмотрительность в установлении связей" или локальный. В этот период 1990-х гг. Китай проявлял осторожность в отношении новых региональных суверенитетов, воздерживаясь от активных стратегических шагов и инициатив. Экономические интересы Китая формировались на основе торгово-экономических интересов через получение дешевых сырьевых ресурсов в обмен на готовую продукцию массового потребления на двухстороннем уровне со странами ЦА. При этом Китай начал тестировать многосторонний дипломатический формат "4+1", который был посвящен решению в первую очередь вопросов по государственным границам между Китаем и Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном. Под конец периода этот формат получил развитие, включив в свою повестку безопасности проблематику новой безопасности в контексте борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

Второй этап мы назвали "участие через многосторонние институциональные механизмы" или региональный. Ключевым событием в изменении внешней стратегии Китая по отношению к Центральной Азии стало создание ШОС в 2001 г. Институционализация в центральноазиатском подходе внешней политики КНР позволила расширить и политические, и экономические позиции в регионе через развитие многосторонней дипломатии вокруг широкой повестки безопасности. С

одной стороны, ШОС позволяла Китаю под коллективным прикрытием шанхайского тандема купировать чувствительную проблему вокруг уйгурского сепаратизма. С другой – многосторонний формат ШОС снижал властное давление от усиливающихся экономических позиций китайской стороны, формируя комплементарную атмосферу для более интенсивного развития двухсторонних торгово-экономических и инвестиционных взаимоотношений с центральноазиатскими странами.

Третий этап можно назвать как "продвижение через инициативу "Один пояс, один путь" или глобальный. С 2013 г. развитие инициативы "Один пояс, один путь" (ОПОП) ознаменовало начало нового этапа китайской политики в Центральной Азии. Пекин выразил явный стратегический интерес на дальнейшее развитие экономических и культурных связей с Центральной Азией, но уже не столько для упрочнения своих позиций на центральноазиатском пространстве, а как элемент глобальной стратегии КНР в качестве мирового лидера. Инициатива ОПОП стала многосторонним инструментом дипломатии КНР для конвертации своей экономической мощи в международных отношениях в целом и в Центральной Азии в частности. За этот период Китай усилил влияние в регионе через проекты по транспортной и энергетической инфраструктуре, продолжилось закрепление позиций Пекина в качестве ведущего торгового, инвестиционного, логистического партнера. Более того, изменение подхода во внешней политике КНР к Центральной Азии заметно по изменению функциональной роли ШОС: снятие моратория на расширение этой организации за счет Индии и Пакистана стало признаком "евраизации" деятельности ШОС, что начало размывать центральноазиатскую компоненту в шанхайском дипломатическом процессе.

Четвертый этап, который именуется как "укрепление позиций глобального игрока" или лидерский. В 2023 г. КНР инициировал создание институционального формата сотрудничества с ЦА C5+1. Данный формат стал дебютом Китая в самостоятельной многосторонней дипломатии со странами региона в политической сфере, что качественно характеризует изменения в китайском центральноазиатском подходе. Пекин начал уделять внимание идеологическим и дискурсивным вопросам на основе цивилизационных ценностей, концепции многополярного мира и критике западнцентричного однополярного порядка. Продвигаются не только нарративы о необходимости более прочных отношений между Китаем и странами ЦА в контексте строительства нового евразийского сообщества, но китайская сторона готова предоставлять безвозмездную помощь для развития региона по пути построения более справедливого многополярного мира.

Эволюция внешней политики КНР в отношении Центральной Азии наглядно демонстрирует изменение роли Китая в мировой политике, где Пекин из "вещи в себе и для себя" трансформируется в глобального игрока с проактивной позицией и своим взглядом на принципы межгосударственного взаимодействия в XXI веке. Сегодня китайская стратегия в отношении ЦА демонстрирует инициативность и напористость, оперируя разнообразными инструментами во всех сферах жизнедеятельности. Такая ситуация приводит к росту неопределенности, что требует от всех участников центральноазиатской подсистемы международных отношений более взвешенного стратегического и тактического подхода для поддержания баланса интересов и прогнозируемого управления процессами сотрудничества и конкуренции.

В контексте роста глобального и регионального влияния КНР Россия сталкивается с неотложной необходимостью переосмысления своих стратегических и тактических подходов и приоритетов в этом регионе. Снижается роль ШОС как инструмента согласования российско-китайских отношений в Центральной Азии, что приводит к расширению транзакционного разрыва в треугольнике "РФ – страны ЦА – КНР". При этом сложно переоценить значение ЦАР для устойчивости стратегического партнерства между Москвой и Пекином, что формирует объективный запрос на особое внимание к центральноазиатской проблематике в стратегическом диалоге между РФ и Китаем для превентивной проработки потенциальных

противоречий при реализации самостоятельных внешнеполитических курсов в регионе.

Литература

1. Глава Казахстана принял председателя правления и исполнительного директора CRRC Corporation Limited Сунь Юнцзя // Официальный сайт Президента Республики Казахстан, 17 октября 2023. URL: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-predsdatelya-pravleniya-i-ispolnitelnogo-direktora-crrc-corporation-limited-sun-yunca-1794825> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Гордиенко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества как площадка для диалога по вопросам региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 37. С. 44–66.
3. Дмитриева Д.А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. 2021. № 20. С. 20–28.
4. Каукенов А. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3. С. 73–89.
5. Керим Г. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1991–2018 гг.) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 2. С. 86–95.
6. Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. // Официальный сайт МИД Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 11.12.2023).
7. Лян Чжэньпэн. Китайская внешняя политика в Центральной Азии в 1990-е гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 145–155.
8. Махмутова Е.В. Китайская "мягкая сила" в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2022, № 2, С. 268–283.
9. Махмутова Е.В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 1. С. 88–99.
10. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 11.12.2023).
11. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 4. С. 74–89.
12. Полный текст программной речи Си Цзиньпина на саммите "Китай – Центральная Азия" // Синьхуа, 19 мая 2023. URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (дата обращения: 28.11.2023).
13. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы от 26 апреля 1996 г. // ИНПРАВО. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base925/text925v168i463.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
14. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы от 25 апреля 1997 // ИНПРАВО. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base552/text552v978i288.htm> (дата обращения: 14.12.2023).
15. Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнёрству // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 3, С. 47–61.
16. Сыроежкин К. Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2012. № 1. С. 23–46.
17. Талига Х. Инициатива "Один пояс – один путь" в Центральной Азии. Кабинетное исследование // Аналитический отчет Международной конфедерации профсоюзов и МКП и Фонда им. Ф. Эберта, 2021. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia_ru.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
18. Томберг И.Р. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9. С. 289–300.
19. Умаров Т. На пути к Pax Sinica // IPG Journal: Журнал о международной политике и обществе, 8 апреля 2020. URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/azija/na-puti-k-pax-sinica-1035/> (дата обращения: 27.11.2023).
20. Шелудякова М. Погранзаставы в Таджикистане: экономическая экспансия Китая дала плоды // Журнал Sputnik, 28 сентября 2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160928/1020750849.html> (дата обращения: 14.02.2024).
21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. The Main Vectors of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia // Herald of the Russian Academy of Sciences, 2022. Vol. 92. No. 7. P. 581–588.
22. Scobell A., Ratner E., Beckley M. China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress // The RAND Corporation's Research Report, 2014. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_

reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf (accessed: 23.11.2023).

23. The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, February 21, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed: 29.11.2023).

24. 柳丰华. 中国在中亚：政策的演变 = Лю Фэнхуа. Китай в Центральной Азии: эволюция политик // Россия, Восточная Европа, Центральная Азия исследования. 2007. вып. 6. С. 63–75.

25. 王海燕. 经济合作与发展：中亚五国与中国新疆 = Ван Хайян. Экономическое сотрудничество и развитие: Пять стран Центральной Азии и Синьцзян, Китай // Урумчи: Синьцзянское народное издательство. 2003. 476 с.

26. 王海燕. 中国与中亚国家经贸合作30年：成就与前景 = Ван Хайян. Тридцать лет экономического и торгового сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии: достижения и перспективы // Евразийская экономика. 2023. вып. 4. С. 62–88.

27. 趙竹成. 中國大陸對於中亞的外交政策 = Чжао Чжучен. Внешняя политика материкового Китая в отношении Центральной Азии // Журнал стратегического анализа и безопасности. 2015. вып. 117. С. 32–41.

28. 中亚黄皮书：中亚国家发展报告（2020）= Желтая книга Центральной Азии: Отчет о развитии стран Центральной Азии (2020) // Экономико-торговый отдел Посольства КНР в Республике Казахстан. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/scdy/202004/20200402954394.shtml> (дата обращения: 30.01.2024).

29. 共建“一带一路”：构建人类命运共同体的重大实践 = Совместное строительство инициативы "Один пояс, один путь": основные практики построения сообщества с единым будущим для человечества. Белая книга // Официальный сайт центрального правительства Китая. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 17.12.2023).

30. 携手谱写多极化世界文明进步新篇章—习近平主席在欧亚经济联盟第二届欧亚经济论坛全会开幕式上致辞引发热烈反响 = Объединитесь, чтобы написать новую главу в развитии цивилизации в многополярном мире: Выступление Председателя Си Цзиньпина на церемонии открытия Второго Евразийского экономического форума ЕАЭС // Сеть новостей Коммунистической партии Китая, 26 мая 2023. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0526/c64387-32695244.html> (дата обращения: 27.11.2023).

References

1. The Head of Kazakhstan met with the Chairman and Executive Director of CRRC Corporation Limited, Sun Yongcai // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan, October 17, 2023. URL: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-predsedatelya-pravleniya-i-ispolnitelnogo-direktora-crrc-corporation-limited-sun-yuncaya-1794825> (accessed 10.12.2023). (In Russ.).

2. Gordienko D.V. The Shanghai Cooperation Organization as a Platform for Dialogue on Regional Security Issues // National Interests: Priorities and Security. 2015. No. 37. P. 44–66. (In Russ.).

3. Dmitrieva D.A. Russian and Chinese Interests in Central Asia // Russia in the Global World. 2021. No. 20. P. 20–28. (In Russ.).

4. Kaukenov A. China's Policy in the Shanghai Cooperation Organization // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3. P. 73–89. (In Russ.).

5. Kerim G. China's Economic Policy in Post-Soviet Central Asia (1991–2018) // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2021. No. 2. P. 86–95. (In Russ.).

6. The Concept of the Foreign Policy of the Republic of Tajikistan from January 27, 2015 // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (accessed 11.12.2023). (In Russ.).

7. Liang Zhengpen. Chinese Foreign Policy in Central Asia in the 1990s // Oikumena. Regional Studies. 2017. No. 3. P. 145–155. (In Russ.).

8. Makhmutova E.V. Chinese "Soft Power" in Central Asia: Prospects and Limitations // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2022. No. 2. P. 268–283. (In Russ.).

9. Makhmutova E.V. On China's New Political Mechanism in Central Asia // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2023. No. 1. P. 88–99. (In Russ.).

10. On the Concept of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020 – 2030 // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed 11.12.2023). (In Russ.).

11. Paramonov V., Stokov, A., Stolpovsky, O. China's Foreign Policy in Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2010. Vol. 13. No. 4. P. 74–89. (In Russ.).

12. Full text of Xi Jinping's keynote speech at the "China-Central Asia" Summit // Xinhua, May 19, 2023. URL: <https://russian.news.cn/20230520/8ba665898ac64c3991cf0b48337296fb/c.html> (accessed 28.11.2023). (In Russ.).

13. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan, and the People's Republic of China on Strengthening Military Trust in the Border Area of April 26, 1996 // INPRAVO. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base925/text925v168i463.htm> (accessed 14.12.2023). (In Russ.).

14. Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the

Republic of Tajikistan, and the People's Republic of China on Mutual Reduction of Armed Forces in the Border Area of April 25, 1997 // INPRAVO. URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base552/text552v978i288.htm> (accessed 14.12.2023). (In Russ.).

15. Syroezhkin K. China in Central Asia: From Trade to Strategic Partnership // Central Asia and the Caucasus. 2007. No. 3. P. 47–61. (In Russ.).

16. Syroezhkin K. China's Presence in the Energy Sector of Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2012. No. 1. P. 23–46. (In Russ.).

17. Taliga H. The "Belt and Road" Initiative in Central Asia. Desk Research // Analytical Report of the International Trade Union Confederation and ITUC and the F. Ebert Foundation, 2021. URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/belt_and_road_initiative_in_central_asia_ru.pdf (accessed 26.11.2023). (In Russ.).

18. Tomberg I.R. Military and Military-Technical Cooperation of China with Central Asian Countries in the 21st Century // Problems of the Post-Soviet Space. 2022. No. 9. (In Russ.).

19. Umarov T. On the Way to Pax Sinica // IPG Journal: Journal on International Politics and Society, April 8, 2020. URL: <https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/azija/na-puti-k-pax-sinica-1035/> (accessed 27.11.2023). (In Russ.).

20. Sheludyakova M. Border Outposts in Tajikistan: China's Economic Expansion Bears Fruit // Sputnik Journal, September 28, 2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160928/1020750849.html> (accessed 14.02.2024). (In Russ.).

21. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. The Main Vectors of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 7. P. 581–588.

22. Scobell A., Ratner E., Beckley M. China's Strategy Toward South and Central Asia. An Empty Fortress // The RAND Corporation's Research Report, 2014. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf (accessed 23.11.2023).

23. The Global Security Initiative Concept Paper // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 21.02.2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html (accessed 29.11.2023).

24. Liu Fenghua. China in Central Asia: Evolution of Policy // Russian Eastern Europe Central Asia Studies. 2007. Issue 6. P. 63–75. (In Chin.).

25. Wang Haiyan. Economic Cooperation and Development: The Five Central Asian Countries and China's Xinjiang // Urumqi: Xinjiang People's Publishing House. 2003. 476 p. (In Chin.).

26. Wang Haiyan. 30 Years of China's Economic and Trade Cooperation with Central Asian Countries: Achievements and Prospects // Eurasian Economy. 2023. Issue 4. P. 62–88. (In Chin.).

27. Zhao Zhucheng. Mainland China's Foreign Policy Towards Central Asia // Strategic Security Analysis. 2015. Issue 117. P. 32–41. (In Chin.).

28. Central Asia Yellow Book: Central Asian Countries Development Report (2020). URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/scdy/202004/20200402954394.shtml> (accessed 30.01.2024). (In Chin.).

29. White Paper: Jointly Building the Belt and Road: A Major Practice in Building a Community with a Shared Future for Mankind. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (accessed 17.12.2023). (In Chin.).

30. Join Hands to Compose a New Chapter of Civilization Progress in a Multipolar World – President Xi Jinping's Address at the Opening Ceremony of the Second Eurasian Economic Forum of the Eurasian Economic Union Sparks Enthusiastic Responses. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0526/c64387-32695244.html> (accessed 27.11.2023). (In Chin.).

Денис Алексеевич БОРИСОВ, канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: denisborisov@mail.ru

Лидия Анатольевна КАРМАНОВА, аспирант Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: karm.lida@yandex.ru

Denis A. BORISOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World Economy, International Relations and Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: denisborisov@mail.ru

Lidiya A. KARMANOVA, Postgraduate Student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: karm.lida@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 04.03.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 27.05.2024

Принята к публикации

(Accepted) 08.06.2024